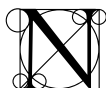

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Пылающие
сердца*

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey
HEARTS AFLAME

Перевод с английского *О.А. Болятко*

Художественное оформление *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*,
студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 **Пылающие сердца** : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. О.А. Болятко]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-100281-7

Кристен Хаардрад стала пленницей Ройса Уиндхерста, но никогда не станет его рабыней. Этот могущественный саксонский лорд встретил достойную противницу в лице прекрасной дочери викингов — она не уступала ему ни в гордости, ни в силе... ни в безудержном страстном желании.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Johanna Lindsey, 1987
© Перевод. О.А. Болятко, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers,
2016

ISBN 978-5-17-100281-7

Глава 1

Норвегия, 873 год

Дирк Герхардсен опустился на землю и пополз к берегу, поближе к тому месту, где остановилась золотоволосая девушка. Кристен Хаардрад бросила взгляд через плечо, словно почувствовав чье-то присутствие, потом привязала своего огромного жеребца и направилась к воде. Чуть левее бурлил стремительный поток Хортен-фьорда, здесь же огромные валуны преграждали путь течению, поэтому поверхность залива была гладкой, спокойной, как озеро. По опыту Дирк знал, что вода была восхитительно теплой и девушка наверняка не сможет удержаться от соблазна искупаться.

Он понял, что Кристен держит путь именно сюда, когда увидел, как она выехала верхом из дома своего дяди и направилась в эту сторону. Много лет назад, еще в юности, они часто плавали здесь вместе с ее братьями и кузенами. У Кристен была большая семья — трое братьев, дядя, который был ярлом* племени, живущего по эту сторону от фьорда, и множество более дальних родственников со стороны ее отца, причем все они считали, что свет клином сошелся на этой девушке.

До недавнего времени Дирк думал то же самое. Он набрался смелости и, подобно многим другим до него, предложил Кристен выйти за него замуж. Он не мог не признать, что

* Ярлы — у скандинавов в раннее Средневековье родовая знать, а также правители государства. — *Здесь и далее примеч. пер.*

она всячески старалась смягчить свой отказ, но до сих пор в нем не угасло охватившее его тогда чувство горького разочарования. В течение долгого времени он наблюдал, как высокая, неуклюжая девочка превращается в прекрасную, величественную женщину, и больше всего на свете ему хотелось назвать Кристен Хаардрад своей.

Дирк затаил дыхание, глядя, как она стала снимать полотняную одежду. На это он и надеялся. Именно поэтому и последовал за ней, и — хвала Одину!* — это действительно произошло. Не в силах оторвать глаз от представшей перед его взором картины, он почувствовал, что теряет самообладание. Эти длинные, стройные ноги... нежная линия бедер... гибкий стан, прикрытый лишь толстой золотистой косой... Всего десять дней назад он сжимал в кулаке эту косу, впившись в губы девушки страстным поцелуем, который зажег бушующий огонь в его крови и затуманил рассудок. Ее сильный удар заставил его покачнуться, потому что Кристен вовсе не была маленькой и хрупкой — она была всего на два дюйма ниже его, а в нем было полных шесть футов. Это, однако, не обескуражило его. В тот момент он чувствовал, что действительно сойдет с ума, если не овладеет ею.

Кристен повезло, что неожиданно появился ее старший брат, Селиг. К несчастью, он вошел как раз тогда, когда Дирк снова схватил ее и попытался повалить на пол. До сих пор у них обоих на теле не зажили следы последовавшей за этим яростной схватки, и в лице Селига Дирк потерял друга — не потому, что они подрались, ведь норманны всегда были готовы вступить в бой по любому поводу, а потому, что Дирк осмелился покуситься на Кристен. И он не мог отрицать, что собирался силой взять ее прямо там, на грязном полу конюшни ее отца. Если бы он тогда преуспел в этом, его бы уже не было в живых. Ведь ему пришлось бы драться не с ее братьями или кузенами, а с ее отцом, Гарриком, способным убить его голыми руками.

* О д и н — верховный бог в скандинавской мифологии, мудрец, шаман, бог войны.

Кристен была теперь наполовину скрыта водой, но то, что Дирк не мог больше видеть все ее тело, не остудило бушевавший в нем огонь. Он и не предполагал, какой это будет для него пыткой — смотреть, как она купается. Он думал лишь о том, что она будет здесь одна, вдалеке от своих, и, возможно, ему выпадет последний шанс остаться наедине с ней. Поговаривали, что скоро она выйдет замуж за Шелдона, старшего сына Перрина, лучшего друга ее отца. Конечно, подобные слухи ходили и раньше, и довольно часто, ведь Кристен уже исполнилось девятнадцать, и за последние четыре года почти каждый мужчина, живший по эту сторону фьорда, просил ее руки.

Она лежала на спине, над поверхностью воды выступали лишь кончики пальцев ног, молочно-белые бедра и обращенные к небу груди. Забери ее Локи*, она просто напрашивалась на то, чтобы ее изнасиловали! Дирк был уже не в состоянии больше сдерживаться. Он начал сбрасывать с себя одежду, в спешке разрывая ее.

Кристен слышала всплеск и бросила взгляд в ту сторону, откуда донесся шум, но ничего не увидела. Она быстро осмотрелась вокруг, но в небольшом, прогретом солнцем заливе никого, кроме нее, не было. Тем не менее она поплыла к берегу, туда, где лежала ее одежда вместе с единственным оружием, всегда находившимся при ней. Этот маленький кинжал с отделанной драгоценными камнями рукоятью она носила скорее как украшение, чем как средство защиты.

Какой же она была душой, что отправилась сюда одна, вместо того чтобы подождать кого-нибудь из братьев! Но все они были заняты, готовя к отплытию большой корабль их отца, который через неделю Селиг поведет на восток, а день был таким чудесным и теплым после долгой весны и исключительно холодной зимы. Она не смогла устоять перед соблазном.

* В скандинавской мифологии — комически-демонический персонаж, спутник Одина и Тора, злокозненный хулиатель богов. Является олицетворением силы огня.

Это было похоже на приключение — отважиться сделать то, что она раньше никогда не делала, а Кристен очень любила приключения. Но все свои прошлые подвиги она совершала в компании с кем-то. И пожалуй, было неосторожно снять с себя всю одежду, хотя тогда это показалось ей восхитительно дерзким и смелым. А уж в смелости ей нельзя было отказать, хотя обычно потом она начинала раскаиваться в своем безрассудстве, как это случилось сейчас.

Едва ее ноги нащупали дно, как он внезапно появился перед ней, огромный, угрожающий. Кристен чуть не застонала от отчаяния, что это оказался именно Дирк, а не кто-нибудь другой, потому что однажды он уже пытался пустить в ход силу, и выражение его лица было сейчас в точности таким же, как и тогда, десять дней назад. Он был сильным, мускулистым мужчиной двадцати одного года, ровесником ее старшего брата Селига. Более того, они были не только сверстниками, но и очень близкими друзьями. Она и сама считала Дирка своим другом до того дня, как он напал на нее на конюшне.

Теперь он сильно отличался от того мальчишки, с которым она росла вместе, с которым каталась верхом, охотилась и плавала в этом самом заливе. Он был так же красив, как и раньше, с темно-золотыми волосами и светло-карими глазами. Но это был уже не тот Дирк, которого она знала прежде, и Кристен очень опасалась, что сейчас повторится то же самое, что произошло тогда на конюшне.

— Тебе не следовало приходиться сюда, Кристен. — Его голос был низким, хриплым.

Глаза Дирка были прикованы к капелькам воды, сверкавшим, как бриллианты, на ее длинных, густых ресницах. Струйки воды стекали по ее нежным округлым щекам и прямому точеному носу. Кончиком языка она провела по пухлым губам, слизывая влагу, и у него вырвался стон.

Кристен услышала, как он застонал, и глаза девушки расширились, но не от страха, а от охватившего ее гнева. Эти чистые, яркие глаза, так похожие на глаза ее отца, были очень странного цвета — нечто среднее между небесной синевой

и прозрачной зеленью морской воды. Только сейчас они стали почти бирюзовыми, как море во время шторма.

— Дай мне пройти, Дирк.

— Не думаю, что тебе это удастся.

— В таком случае подумай еще раз.

Она не повысила голоса, в этом не было необходимости. Каждая черточка ее лица дышала яростью. Но Дирк уже не владел собой, он был полностью во власти демона — демона похоти. Он совсем забыл, как лишь недавно благодарил свою счастливую звезду за то, что не изнасиловал Кристен в прошлый раз.

— О Кристен. — Его пальцы впились в ее обнаженные плечи, он крепко держал ее, не давая высвободиться. — Знаешь ли ты, что делаешь со мной? Известно ли тебе, что мужчина может лишиться рассудка, пылая страстью к такой красавице, как ты?

Ее глаза угрожающе вспыхнули.

— Ты действительно сошел с ума, если думаешь...

Он резко притянул ее к себе и жадно впился губами в ее губы, заставив ее замолчать. Ее высокая, упругая грудь оказалась прижата к его телу.

Кристен чувствовала, что задыхается. Его рот больно терзал ее нежные губы, он все сильнее прижимался к ней, и ее охватило негодование. Они были почти одного роста, и его составшая плоть оказалась совсем рядом с тем центром желаний, к которому он так стремился, и это вызвало у нее наибольшее омерзение, потому что она вовсе не была невежественна в том, что касалось отношений между мужчиной и женщиной. Ее мать, Бренна, давно посвятила ее в тайны плотской любви, но то, что происходило сейчас, никак нельзя было назвать любовью, потому что она испытывала лишь отвращение.

Проклиная его силу, она боролась с ним, пытаясь вырваться из его объятий. Обычно сила и смелость были теми качествами, которые восхищали ее в мужчине, но только не тогда, когда они были направлены против нее. Дирку будет нетрудно овладеть ею, но если он это сделает, она убьет его. Право распоряжаться своей девственностью принадлежало

только ей, и когда она найдет мужчину, которому захочет принести ее в дар, то сделает это с радостью. Но она не позволит, чтобы это произошло вот так, и Дирк Герхардсен был совсем не тот, кто мог бы стать ее избранником.

Поймав зубами его нижнюю губу, Кристен изо всех сил укусила его, одновременно вцепившись ногтями ему в грудь. Она все сильнее сжимала зубы, пока он наконец не отпустил ее. Медленно поворачиваясь, она заставила его поменяться с ней местами. Он мог бы ударить ее, заставив тем самым выпустить его, но в этом случае она разорвала бы ему губу, и он отлично это понимал. Не желая рисковать, она не разжимала зубы до тех пор, пока неожиданно не подпрыгнула и не уперлась обеими коленками ему в живот.

Кристен выпустила его губу в тот самый момент, когда с силой оттолкнулась ногами от его живота, в результате чего очутилась на берегу, а Дирк упал спиной в воду. Это дало ей время добежать до того места, где лежала ее одежда, чтобы схватить кинжал прежде, чем он настигнет ее.

Но он и не пытался сделать этого. Едва увидев в ее руке оружие, он остановился.

— Ты полна неожиданностей, как настоящая дочь Локи, — прошипел Дирк, вытирая кровь с губы и глядя на нее карими глазами, потемневшими от ярости.

— Не смей сравнивать меня со своими богами, Дирк. Моя мать воспитала меня христианкой.

— Меня не интересует, каким богам ты молишься, — резко ответил он. — Брось нож, Кристен.

Она покачала головой. Он видел, что теперь, когда ее рука сжимала оружие, девушка была совершенно спокойна. Великий Один, как же она хороша, обнаженная, покрытая капельками воды, с манящими полными грудями, мягким, плоским животом, заканчивающимся внизу темно-золотым треугольником волос. Она держала кинжал с видом человека, прекрасно знающего, как с ним обращаться, словно провоцируя его сделать хотя бы малейшее движение.

— Похоже, кроме любви к вашему богу, твоя мать научила тебя еще кое-чему. — В его голосе прозвучала горечь. — Твой

отец или братья никогда не стали бы показывать тебе, как пользоваться этой игрушкой, и не простили бы того, что ты умеешь с ней обращаться, потому что это дало бы окружающим повод усомниться в их способности защитить тебя. Это леди Бренна научила тебя своим кельтским штучкам, не так ли? После стольких лет ей пора бы уже понять, что кельтское боевое искусство все равно не сравнится с мастерством викингов. Чему еще она научила тебя, Кристен?

— Я умею владеть любым оружием, кроме топора, и то лишь потому, что это очень неуклюжее орудие смерти и обращение с ним не требует особого умения, — с гордостью ответила девушка.

— Неуклюжее потому, что ты недостаточно сильна для него, — угрюмо заметил Дирк. — А что бы сказал твой отец, если бы узнал об этом? Готов поспорить, он выпорол бы и тебя, и твою мать.

— Может быть, ты ему расскажешь? — язвительно спросила Кристен.

Дирк сердито посмотрел на нее. Конечно, он не мог ничего сказать ее отцу, потому что в этом случае ему пришлось бы объяснить, как он об этом узнал. И ее насмешливая улыбка говорила о том, что она тоже отлично это понимает. Вспомнив о Гаррике Хаардраде, который был на полфута выше его и в свои сорок шесть лет оставался таким же сильным, Дирк немного поостыл — немного, но не совсем.

Он пристально посмотрел ей в глаза.

— Чем я так плох, Кристен, что ты так упорно отказываешь мне?

Этот вопрос, заданный спокойным, даже несколько смущенным тоном, застал ее врасплох. Так же как и она, он стоял совсем обнаженный, гордо и невозмутимо, и ее взгляд нерешительно оторвался от его лица и стал опускаться ниже. Ее не смутила картина, открывшаяся ее взору, потому что однажды, когда со своей ближайшей подругой Тайрой они пробрались в баню ее дяди и спрятались за баком с водой, чтобы подсмотреть, как купаются ее двоюродные братья, она уже видела совершенно обнаженных взрослых мужчин.

Конечно, это было более десяти лет назад, к тому же сейчас существовало одно отличие. Прежде ей не доводилось видеть мужчину в возбужденном состоянии.

Кристен ответила ему совершенно честно:

— Ты вовсе не плох, Дирк. Твое тело великолепно, и на тебя приятно смотреть. У твоего отца богатое хозяйство, а ты его наследник. Любая женщина будет рада взять тебя в мужья.

Она не добавила при этом, что Тайра продала бы душу дьяволу, лишь бы заполучить его, поэтому-то Кристен и не хотела иметь с ним дела. Тайра была влюблена в него уже пять лет, но он ничего не знал об этом. А Кристен поклялась не выдавать секрета своей подруги никому, особенно Дирку.

— Просто ты не для меня, Дирк Герхардсен, — твердо закончила она.

— Почему?

— Ты не заставляешь мое сердце биться чаще.

Он недоверчиво посмотрел на нее и с настойчивостью произнес:

— А какое это имеет отношение к замужеству?

«Самое прямое», — подумала она, а вслух сказала:

— Мне очень жаль, Дирк. Я не хочу тебя в мужья. Я уже говорила тебе об этом.

— Это правда, что ты выходишь замуж за Шелдона?

Кристен могла бы солгать и использовать этот предлог, чтобы выпутаться из создавшейся ситуации, но она не любила лгать лишь для того, чтобы облегчить себе жизнь.

— Шелдон мне как брат. Я подумывала о том, чтобы выйти за него замуж, раз мои родители так хотят этого, но все-таки решила отказаться от его предложения.

«И он будет в восторге, узнав об этом, — добавила девушка про себя, — потому что тоже относится ко мне как к сестре и испытывает такую же неловкость при мысли о возможном союзе между нами».

— Когда-нибудь тебе придется выбрать, Кристен. Все мужчины по эту сторону фьорда в то или иное время просили твоей руки. Тебе давно следовало бы быть замужем.

Кристен не любила говорить на эту тему, потому что ей лучше всех было известно, в каком она оказалась положении, ведь на всем побережье не нашлось ни одного мужчины, за которого она хотела бы выйти замуж. Она мечтала о любви, такой, которая связывала ее родителей, но понимала, что рано или поздно ей придется довольствоваться меньшим. Она уже несколько лет откладывала неизбежное, отказывая всем претендентам на ее руку, а родители позволяли ей поступать по-своему, потому что очень любили ее. Но так не могло продолжаться бесконечно.

Кристен разозлилась на Дирка за то, что он напомнил ей о ее затруднительном положении, потому что весь последний год она не могла думать ни о чем другом.

— Кого я выберу, тебя совершенно не касается, Дирк, потому что этим избранником будешь не ты. Найди себе другую и впредь не надоедай мне.

— Я мог бы овладеть тобой и силой заставить выйти за меня, — сказал он с мягкой угрозой. — После того как ты отвергла столько женихов, твой отец может согласиться отдать тебя мне, когда я лишу тебя девственности. Такое случалось и раньше.

Это было вполне возможно. Конечно, сначала ее отец убьет его до полусмерти. Но если Дирк все-таки останется жив, ее могут отдать ему в жены. Ведь придется считаться с тем фактом, что она уже будет не девушкой.

Кристен нахмурилась.

— Если мой отец не убьет тебя, это сделаю я. Не будь дураком, Дирк. Такое я тебе никогда не прошу.

— Но ты все же будешь моей.

— Говорю же, что я убью тебя!

— Думаю, ты этого не сделаешь, — сказал он, и ей очень не понравилась его уверенность. — Мне кажется, что стоит рискнуть.

При этих словах его взгляд остановился на ее груди. Кристен замерла. Ей не следовало стоять здесь и разговаривать с ним. Ей надо было вскочить на Тордена и быстро умчаться прочь, а не хватать кинжал и пытаться дать Дирку отпор.

— Будь ты проклят, что ж, попробуй, но прежде я убью тебя! — прошипела Кристен.

Дирк смотрел, как девушка поднимает кинжал, понимая, что она успеет нанести ему удар прежде, чем он сможет вырвать оружие у нее из рук. Если бы только она не была почти такой же высокой, как он, и не обладала при своем росте значительной силой...

Он снова разозлился, но на этот раз не на нее, а на ее мать за то, что та была настолько сумасбродна, чтобы обучить дочь боевому искусству.

— Эта игрушка не всегда будет у тебя в руке, Кристен, — прорычал он.

Она вздернула подбородок.

— Ты глупец, что предупредил меня. Теперь уж я позабочусь о том, чтобы впредь ты никогда не смог застать меня врасплох.

Это привело его в бешенство.

— Тогда не забудь запирать свою дверь, когда спишь, потому что я все равно найду способ овладеть тобой!

Кристен не удостоила его ответа, лишь наклонилась, чтобы поднять свою одежду, лежавшую у ее ног, и перебросила ее через плечо. Не сводя глаз с Дирка, она нащупала поводья и, зажав их в руке, стала отступать назад. Отойдя на несколько футов, она вцепилась в белую шелковую гриву Тордена, вскочила ему на спину и мгновенно рванулась с места.

Позади слышались злобные проклятия Дирка, но Кристен не обращала на них внимания, беспокоясь лишь о том, как бы исхитриться и на скаку натянуть на себя одежду, прежде чем она приблизится к поселению и кто-нибудь увидит ее. Ей будет трудно объяснить, что произошло, и, если правда станет известна, она больше не сможет наслаждаться прежней свободой, а Дирку Герхардсену грозят большие неприятности.

Если бы Кристен не боялась, что этим поставит под угрозу свой вольный образ жизни, то рассказала бы обо всем, но она слишком дорожила своей свободой. Отец и так чересчур беспокоился за нее. Мать, конечно, совсем не переживала на этот счет, потому что Бренна обучала ее умению защитит

себя в течение долгих летних месяцев, пока ее муж, прихватив с собой сыновей, отправлялся в долгие плавания, чтобы продать свой товар. Втайне Бренна научила Кристен всему, что в свое время узнала от своего отца: мастерству и хитрости, необходимым в поединке с более сильным врагом. Особенно хитрости, потому что, хотя Кристен и была почти на полфута выше своей матери и отличалась недюжинной для женщины силой, все же она не могла тягаться с мужчинами.

Кристен была горда своим умением постоять за себя, но это был первый случай, когда ей пришлось испытать его на деле. Она не могла открыто носить оружие, как мужчины, потому что ее отец пришел бы в ярость, узнав, чему научила ее мать. В любом случае ей вовсе и не хотелось носить оружие, она была вполне довольна своей принадлежностью к женскому полу.

Вся семья любила, защищала и баловала Кристен. Кроме Селига, который был двумя годами старше, у нее были шестнадцатилетний брат Эрик и Торалл, четырнадцати лет, причем оба они уже были почти такого же огромного роста, как и их отец. Кроме того, у нее имелся двоюродный брат Атол, бывший на несколько месяцев старше Селига, и еще множество троюродных братьев со стороны отца, готовых драться насмерть за малейшее нанесенное ей оскорбление. Нет, она была под надежной защитой, и ей не нужно было демонстрировать умение постоять за себя, как в свое время приходилось делать ее матери, когда та была в возрасте Кристен.

До сегодняшнего дня. Если бы только на следующей неделе она могла уплыть вместе с Селигом и Эриком к торговым городам на Востоке, тогда ей не нужно было бы беспокоиться насчет Дирка — по крайней мере до тех пор, пока не вернется домой в конце лета. Но к тому времени он мог уже обзавестись женой и забыть о ней.

К несчастью, Кристен уже просила, чтобы ее взяли в плавание, но ей ответили отказом. Она была слишком взрослой для того, чтобы плавать в большой компании молодых мужчин, даже если этот корабль и принадлежал ее отцу и ее брат Селиг командовал им. Если Гаррик оставался дома, значит,

и Кристен должна остаться дома. Даже ее шуточный намек, что в Бирке или Хедеби она могла бы встретить какого-нибудь симпатичного владельца другого торгового судна и привезти его домой в качестве мужа, не возымел желаемого действия. Если Гаррика не будет там, чтобы присматривать за дочерью, как это было в те три раза, когда он позволил Кристен и ее матери сопровождать их в плавании, тогда она должна оставаться дома.

Последние восемь лет Гаррик уже не плавал, предпочитая проводить теплые летние месяцы с Бренной и предоставляя своему другу Перрину, а потом Селигу, когда тот подрос, командовать кораблем. Родители Кристен уезжали верхом на север одни и не возвращались до конца лета. Они вместе охотились, исследовали незнакомые места, любили друг друга, и Кристен мечтала о таком же счастье для себя. Но где можно найти такого же мужчину, как Гаррик, — ласкового с теми, кого любил, и грозного с теми, кого ненавидел, мужчину, способного заставить ее сердце биться быстрее, как билось сердце Бренны всякий раз, когда она смотрела на мужа?

Кристен вздохнула и направилась к дому. Такого мужчины не было, по крайней мере здесь. Конечно, попадались ласковые мужчины, но не слишком часто, в то время как грозных было предостаточно. Их северная земля могла похвастать крепкими, достойными сыновьями, но до сих пор ни один из них не смог завладеть сердцем Кристен. Если бы только она могла уплыть на Восток вместе с Селигом. Должен же где-то быть мужчина, предназначенный ей, — купец или моряк, как ее отец, датчанин, или швед, или даже норманн с юга. Все они приезжали торговать в крупные города на Востоке. Ей нужно было лишь отыскать его.

Глава 2

Кристен сидела в кухне, поджидая, пока ее мать спустится вниз. Селиг должен был отплыть утром, в то время дня, которое в других краях именуется рассветом, но поскольку летом в здешних широтах солнце садилось ночью всего на

несколько часов, это был не совсем рассвет в обычном понимании этого слова.

Включая Селига, команда корабля состояла из тридцати четырех человек. За исключением нескольких кузенов в основном это были младшие и даже старшие сыновья друзей Хаардрадов, все бывалые моряки. Трюм набьют мехами и другими ценными товарами, и для того, чтобы подготовить их, эти люди немало потрудились в долгие темные зимние месяцы. Семья Кристен за эту зиму запасла пятьдесят пять шкур, включая две шкуры белого медведя, которые так высоко ценились на Востоке.

Это будет очень выгодное путешествие для всех, и Кристен решила сделать хотя бы еще одну попытку добиться разрешения участвовать в нем. Селиг сказал, что он не будет возражать, но, разумеется, ему всегда было трудно в чем-либо отказать ей. Поскольку ее отец на прошлой неделе опять трижды говорил ей «нет», единственной, кто мог бы заставить его изменить решение, оставалась мать.

Слуги готовили ужин. Все они были чужеземными пленниками, которых викинги захватывали во время своих набегов на южные поселения или привозили с Востока. Но те, кто служил в доме Хаардрадов, были куплены, потому что Гаррик не участвовал в набеггах с юных лет и Селиг тоже, с тех пор как стал командовать кораблем вместо отца. Иногда это становилось предметом споров между родителями Кристен, потому что ее мать была такой же пленницей, захваченной отцом Гаррика и подаренной им сыну в 851 году. Конечно же, Бренна, с ее бесконечной гордостью, никогда не признавала Гаррика своим хозяином, и они часто рассказывали о царившей на первых порах между ними лютой вражде, которая мало-помалу переросла в любовь, жившую в их сердцах и по сей день.

Кристен никак не могла представить себе своих родителей враждующими, как это было когда-то. Конечно, время от времени между ними вспыхивали ссоры, и иногда Гаррик вскакивал на коня и уезжал на север, чтобы поостыть. Но когда он возвращался, родители запирались в спальне,